

С. под псевдонимами С. Бережков, С. Витин, С. Победин были осуществлены переводы с английского романов А. Нортон, Х. Клемента, Дж. Уиндэма. А.С. является также переводчиком с японского рассказов Акутагавы Рюноске, романов Абэ Кобо, Нацумэ Сосэки, Нома Хироси, Саньютэя Энтё, средневекового романа «Сказание о Ёсицунэ».

Для последнего СС Б.С. подготовил «Комментарии к пройденному» (2000–01; вышли отд. изд. в 2003), в которых подробно описал историю создания произведений С. В сети Интернет Б.С. с июня 1998 ведет интервью, в котором ответил более чем на 6000 вопросов.

Произведения С. издавались в переводах на 42 яз. в 33 странах (более 500 изд.).

Именем С. названа малая планета, открытая в 1977. Б.С.— лауреат премии Президента РФ в области лит-ры и искусства (2002).

Соч.: СС: в 12 т. М., 1991–93; СС: в 12 т. Донецк, 2000–03.

Лит.: Громова А. Двойной лик грядущего // Альманах НФ. М., 1964. Вып. 1. С. 270–309; Брандис Е., Дмитриевский В. Мир будущего в научной фантастике. М., 1965; Лебедев А. Реалистическая фантастика и фантастическая реальность // Новый мир. 1968. № 11. С. 261–266; Смелков Ю. Мужество выбора // Дружба народов. 1977. № 6. С. 265–269; Чупринин С. Предвестие // Знамя. 1989. № 1. С. 210–224; Васюченко И. Отвергнувшие воскресенье (Заметки о творчестве Аркадия и Бориса Стругацких) // Знамя. 1989. № 5; Снегирев Ф. Время Учителей // Советская библиография. 1990. № 1. С. 123–129; Шестопалов О. Тридцать лет спустя // Стругацкий А., Стругацкий Б. Хромя судьба; Хищные вещи века. М., 1990. С. 474–492; Амусин М. Братья Стругацкие. Иерусалим, 1996; Вишневский Б. Аркадий и Борис Стругацкие. Двойная звезда. СПб., 2003; Кайтох В. Братья Стругацкие // Стругацкий А., Стругацкий Б. СС. Т. 12, доп. Донецк, 2003. С. 409–670; Potts S. W. The Second Marxian Invasion: The Dialectical Fables of Arkady and Boris Strugatsky. San-Bernardino, 1991; Howell Y. Apocalyptic Realism: The Science Fiction of Arkady and Boris Strugatsky. Peter Lang Publishing, 1995.

В. И. Борисов

СТРУКОВА Марина Васильевна [9.3.1975, пос. Романовка Романовского р-на Саратовской обл.] — поэт.

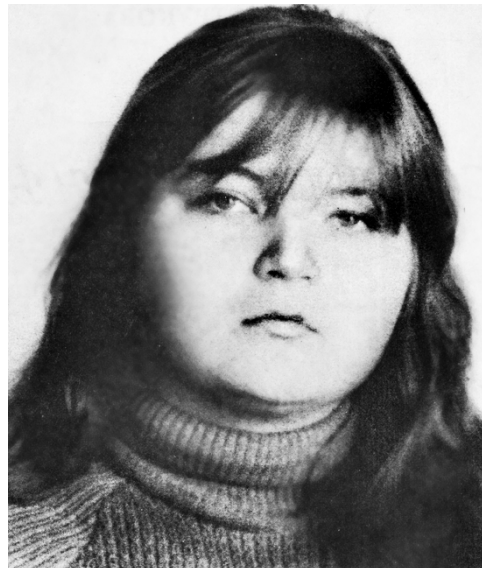
Родилась в семье учительницы и шофера военного комиссариата. Мать — из казачьей семьи, прадед Александр Струков в Гражданскую войну воевал в частях атамана Антонова. Другой прадед, Федор Кочетков, был сослан на Соловки за протест против организации колхозов. С. с детства слышала рассказы

старших родственников о Гражданской и Отечественной войнах, что впоследствии во многом повлияло на систему худож. символов ее поэзии.

В 1992 С. окончила среднюю школу. Училась еще в 8 классе, поступила заочно в Московский ун-т искусств на ф-т станковой живописи, который окончила в 1993. С 1992 работала учителем рисования в сельской школе, затем — корреспондентом в районной газ. В 1996 принята в СП России по рекомендации В. Кожина. С 1997 живет в Москве.

Стихи начала писать с четырех лет, первая публикация 12-летней С.— стих. «Земляника» в районной газ. в 1987. В ранних стихах доминировали темы природы, родной истории. В 1992 подборку из пяти стих. С. напечатал ж. «Наш современник» (1992. № 12). С этого времени С. публикуется в ж. «Наш современник», «Молодая гвардия», «Роман-ж. XXI век», «Русская воля», «Атенеи», «Подъем», «Встреча», газ. «Завтра», «День лит-ры», «Экономическая газ.», «Царский опричник» и т. д. Стихи собраны в книги «Чертополох» (1996), «Солнце войны» (1998), «Серебряная пуля» (2003).

Образ России — кровной Родины пронизывает все стих. С. Даже если он не явен, поэтический контекст совершенно определенно вычерчивает его зримые и духовные приметы. Именно это мировоззренческое свойство поэтессы позволяет ей объединить и противников Советской власти, расстрелянных и со-

М. В. Струкова

сланных в Сибирь, и бойцов, павших смертью храбрых в 1941-м. «Ибо боролись за Россию и те, кто — подчас ценой жизни — „переваривал коммунизм“ (по знаменитому выражению Валентина Распутина), и те, кто шел на войну за Отечество — пусть не столь давно „коллективизированное“», — писал в предисл. к сб. С. «Солнце войны» В. Кожин (Кожин В.— С. 4).

С. стремится к тому, чтобы ее творчество было близко молодому поколению, и самая дорога для нее читательская аудитория — патриотическая молодежь. Поэзия С., посвященная духовной популяризации национально-патриотической идеологии, порождает неоднозначные суждения и оценки. Так, Ст. Куняев, в свое время впервые опубликовавший в «Нашем современнике» стихи С., а впоследствии редактировавший ее книгу «Солнце войны», увидел в творческом развитии поэтессы ожесточенность и самонадеянность, имея в виду ее строки: «...ты не народ, ты — полуфабрикат. / Тебя сожрут и сплюнут на закат. / Крестом поковыряют меж зубов. / Анафема тебе, толпа рабов» (**«Анафема тебе, толпа рабов...»**, 1999). Никто из прежних провидцев не бросал в лицо униженным и оскорбленным столь страшные, пусть, может быть, и справедливые слова — «...ни автор „Слова о полку...“, ни безымянные русские летописцы, ни Пушкин с Тютчевым, ни Сергей Есенин не доходили до таких проклятий... своему народу», — писал критик, предвзято журнальную подборку стих. из новой книги С. **«Серебряная пуля»** (Куняев Ст.— С. 130).

В то же время в предисл. к этой книге С. Яшин сочувственно развивает тезис поэтессы о тотальной войне темных и светлых сил, в центре которой волею судьбы оказалась Россия. Критик определяет смысл названия сб.: «Как известно, серебряной пулей убивают воплощение Тьмы, прикинувшееся человеком, средоточие зла и лжи, скрытое в живой плоти врага» (Яшин С.— С. 6). Именно путь войны выбран С. в качестве абсолютного духовного самоопределения. «Марина — поэт Войны. Войны, пробуждающей национальное единство и великую память предков... Эта поэзия взывает к подлинным Воинам Духа, русской национальной элите, той самой, которая двинется в освободительный поход на Третий Рим» (Там же. С. 5).

Принципиально иной точки зрения на сущность поэзии С. придерживается В. Лютый. Вписывая творчество С. в русский поэтический контекст последних двух веков, критик представляет обобщенный образ ее по-

эзии: «Это песнь истомившегося в плену духа, теперь расправляющего крылья и стремящегося к свободному парению. Но пространство занято, прозрачность его замутнена и небо крючьями притянута к земле. Вот миг, когда уже не пленный, но помнящий о плене дух начинает свою речь и движение» (Лютый В.— С. 199). Действительно, символ «духовного плена» у С. один из самых главных. «„Пуст твой двор, и в жилище не будет живых“, — / говорит мне смеющийся враг... / <...> Эти белые села никто не спасет, / эти рощи пойдут под топор, / и неистовый ветер печаль унесет, / и сожрет твою песню простор» (**«Пуст твой двор...»**, 2000). В этих картинах нашествия нет ни одного упоминания о слезах, но удивительно напевно и щемяще показана кручина. В отличие от наглядной публицистической стороны поэзии С. здесь налицо обозначение состояния, но не выговаривание его до последней крупинки чувства — своего рода психологическая синекдоха, признак глубокого поэтического дара.

В том, что внутренний мир поэзии Струковой нравственно регламентирован, нет никаких сомнений. Женское сжатое болью и гневом сердце готово к отпору и даже мщению: «Как же весело, братцы / <...> в ответ на угрозы / поджигать города / да пускать под откосы / на закат поезда» (**«В дождевом перезвонце...»**, 1999); «Заминируем каждую пядь этих пашен, / динамит — под оклады икон» (**«Если завтра война, мы заплачем о миллом...»**, 2000); «Мы тьму выжигаем тьмою. / Мы зло убиваем злом» (**«Нам не от богов известно...»**, 2000). Ключом к этим строкам, от которых веет властью и волей, может быть следующее авторское замечание: «Мы долго смотрели в бездну, / она отразилась в нас». Разрушительная эта бездна должна быть разрушена — бездна гибели, вероломства, скверны и страха. Именно потому происходит превращение безмолвного наблюдателя в самую непреклонность: «И стали стальными лица, / и стали глаза свинцом» — взгляд, впрямую ассоциирующийся с полетом пули, острым и окончательным («Нам не от богов известно...»).

В отличие от мн. стих., созданных в годы Великой Отечественной войны, на первый взгляд очень близких черно-белым поэтическим образам С., худож. мир поэтессы насыщен культурными символами, а также постоянным соотношением авторского духовного импульса и христианской картины мира — которые то совпадают, то противоречат друг другу.

В поэзии С. важен мотив возврата к национальным символам, к их укорененности в русском сознании, к мистической благодатности русского Православия. В стихах прослеживается сложная духовная связь лирической героини с Небом. Ропот, упреки Богу и даже богохульные кощунства — это речь русского Иова. В них сквозит тоска и ожидание кары, которая падет на голову возвысившего голос поэта, но Божий гнев непременно прольется и на врагов родной земли. Резкие, порой ошеломляющие упреки поэтессы Небесам отражаются в ее беспощадных словах, адресованных своему народу, хотя при этом отчетливо звучит героическое начало — сильный обязан спасти слабых, безвольных, покорно опустивших руки: «Зачем призывать их сражаться? / Рабов прощя гнать, чем вести. / Они рождены, чтобы сдаться... / Но мы рождены — их спасти» (**«О нас говорил Заратустра...»**, 1999).

Именно нарушением полноты мира, несущей в себе первичный отблеск небесного дома («О деве, что плача... глядит на дорогу в тоске»; «о белых цветах, что ложатся к кресту» — **«Сияет листовка на серой стене...»**, 2000), вызваны накаленные строки поэтессы о враге: «Коль вину ему отпущу, / за себя я его прошу, / но когда подойду к окну, / не прошу его за страну. / <...> помолиться, так намолю: / Надышаться ему — в петле, / Отоспаться ему — в земле» (**«Возлюблю своего врага...»**, 1998). Здесь отчетливо видна родовая оскорбленность и принятие на себя ответственности перед небом за кару предателю, разрушителю, захватчику, извергу. Эта решимость матери и сестры не вызывает никаких сомнений этического порядка: «...когда вздохнет свободная Россия, / победою закрыта, как броней, / когда отрежут голову Шамиля / и в тишине поднимут над Чечней» (**«Корреспонденты к нам из-за границы...»**, 2000).

Голос женщины искупает непримиримость мн. гневных слов лирической героини, подчас непростительных для голоса мужского. Поэтесса, из уст которой, словно в апокалипсическом видении, выходит огненный меч, предстает как мать Гнева и сестра Страдания, готовая разрушить истерзанный мир, чтобы затем создать, родить новый, светлый и добрый. В поэзии С. именно таким образом — через неявные облики матери и сестры, причудливо совмещенные с чувствами гнева и страдания, открывается читателю область родового.

Духовная сторона поэзии С. берет начало в народно-поэтическом творчестве. Представления о Граде небесном, в котором наря-

ду с извечными русскими символами Правды, Красоты, Кротости воплощена мечта о «воле вольной», особенно близки С. как по складу ее поэтического характера, так и по времени, которое проживает поэтесса: «Прохожу, о России грущу / с песней грозной и честной, / волю вольную в мире ищу — / Град небесный. / Укрывает его высота / и огнями блистает...» (**«От востока по тонкому льду...»**, 1999). Но в этом обетованном царстве кротость спрятана вглубь души и обращена скорее к личной доле героини, к житейскому и собственно душевному, на место кротости как духовной черты встает воинская жертвенность.

Лирический дар С. скрепляет в одно целое импульсивный мир ее стих. Состояния сомнения, грусти, скупо высказанного нежного чувства к любимому человеку, неуверенности в дружбе, тоски — все это присутствует в ее поэзии, хотя говорится об этом очень кратко, как бы вскользь. Лирическое «я» отодвигается почти безличными чувствами должного или недолжного, которые соотносятся с сегодняшней реальностью. В стихотворениях же, написанных от первого лица, инвектива миру, который огромен, исходит из уст человека, который смел, но мал и конечен. Такое противостояние неизбежно выявляет авторские затаенные человеческие черты. Их присутствие в гражданском и мифологическом контексте стихотворения отепляет поэтическую строку и резко сокращает дистанцию между поэтом-оратором и читателем-слушателем (**«Ты меня не предашь?...»**, **«Я люблю тебя, степь...»**, **«Вот и станем мы в поле ветром...»**, **«Спой мне песню про черного ворона...»**, **«От востока по тонкому льду...»**, **«Немногом высокая тайна известна...»**; все — 1999). Насыщенная мифопоэтическими образами ткань стихотворения у С. от сб. к сб. постепенно разрежается, уступая внешне первое место совр. реалиями и узнаваемо-конкретным коллизиям. Во многом это соответствует нынешней гражданской позиции поэтессы, ее волевой установке на сокращение худож. дистанции в антитезе «поэт — гражданин», стремлению говорить от лица мн. и возвышать свой голос из средоточия людского.

По словам критика, «поэтесса может быть сопричислена к тому героическому и преданному поколению, что оросило своей кровью черную землю Чечни, что было обогнано в своей борьбе и смерти... Это — их голос, не чуждый некоего духовного монашества, часто склонный к житейской аскезе, противопоставленной пиру всего мирского, земно-

го... Это голос молодой России, которая полна не только гневом, но любовью, разумом, сердечным чувством и удивительным по глубиной выразительности поэтическим словом» (Лютый В.— С. 217).

Закономерным, хотя и не равноценным продолжением собственно поэтического творчества С. являются ее песенные тексты, положенные на музыку композитором Валерием Порываевым: музыкальные альбомы «Серебряная пуля» (2002), «Вопрос крови» (2003), «Гуляй, душа» (2004). Отличаясь крайним радикализмом, песенные тексты С. несут мощный идеологический заряд, подчас в ущерб поэтической образности. Однако С., отдавая дань жанру и стилистике «наступательной» песни, идет на эту худож. уступку совершенно сознательно.

С.— лауреат премии ж. «Наш современник» (1995), премии «Традиция» (2000).

Соч.: Чертополох: стихи. Тамбов, 1996; Солнце войны: стихи. М., 1998; Серебряная пуля: стихи. М., 2003.

Лит.: Золотцев С. Начало зрелости: О нескольких новых именах в русской поэзии // Бежин луг. 1996. № 2. С. 89–92; Кожинов В. Напутственное слово // Струкова М. Солнце войны. М., 1998. С. 3–4; Лютый В. «Поднимается ветер...»: Земное и небесное в поэзии Марины Струковой // Подъем. 2001. № 2. С. 196–217; Володин Э. Воительница: Поэзия Марины Струковой // <http://www.voskres.ru/kolonka/strukova.htm>; Куняев Ст. «Приближается звук»: Читая рукопись новых стихотворений Марины Струковой // Наш современник. 2003. № 6. С. 128–131; Яшин С. Притяжение Войны // Струкова М. Серебряная пуля. М., 2003. С. 3–6.

В. Д. Лютый

СУВОРОВ Георгий Кузьмич [19.4.1919, с. Абаканское Енисейской губ. (ныне Красноярский край) — 13.2.1944, переправа через р. Нарву; в 1958 братская могила, в которой был похоронен С., перенесена в г. Сланцы Ленинградской обл.] — поэт.

Родился в крестьянской семье (в роду по материнской линии были хакасы); в 1933 поступил в Абаканское педагогическое училище, не окончив которое (по материальной причине), в 1937 уезжает работать в сельскую школу учителем начальных классов. В это время знакомится со старым сибирским поэтом Иваном Ерошиным, оказавшим заметное влияние на начинающего поэта. Летом 1939 С. поступил на ф-т русского яз. и лит-ры Красноярского педагогического института, но в окт. 1939, с 1-го курса, был призван на срочную военную службу, которая проходила в Омске. Здесь С. активно участ-

Г. К. Суворов

вует в лит. жизни; его наставником становится Л. Мартынов, который печатает в «Омской правде» развернутый отзыв о его стихах под заглавием «Поэт-красноармеец» (приводится в книге Ю. Полякова). С сент. 1941 С. на фронте; начав Великую Отечественную войну рядовым красноармейцем, дослужился до звания лейтенанта; в основном воевал на Ленинградском фронте, командовал взводом, был корреспондентом дивизионной газ. «За Родину». Большое значение для поэтической судьбы С. имело его знакомство с Н. Тихоновым, который стал для молодого поэта настоящим кумиром. Тихонов рассказал о С. в очерке «Ленинград в сентябре».

Поэтическое мировосприятие С., каким оно успело раскрыться в его военных стихах и трех небольших поэмах («Невская баллада», «Сибиряк на Неве» и «Золото»), является героико-романтическим, родственным худож. мировосприятию Н. Тихонова, но вместе с тем отличающемуся от него особенностями, обусловленными как индивидуальным характером и жизненным опытом молодого сибирского поэта, так и общим пафосом борьбы с фашизмом. По словам А. Твардовского, в годы Великой Отечественной войны шел «Смертный бой не ради славы, / Ради жизни на земле». Автор «Василия Теркина» рассказал об этом кровавом, страшном бое эпически и реалистически, с учетом своего